

RU

Влияние состояния здоровья на деятельность революционеров (на примере мемуарно-биографических произведений первой трети XX века)

Ищенко О. В.

Аннотация. Цель исследования - на основе анализа мемуарно-биографических произведений первой трети XX века определить влияние состояния здоровья на деятельность революционеров. В статье обозначена специфика мемуарно-биографических сочинений, описаны отраженные в них телесные характеристики объектов жизнеописания, выявлены основные тенденции соотношения физического и психического здоровья с убеждениями и поступками героев повествований. **Научная новизна** заключается в комплексном анализе содержания эго-документов 1920-1930-х гг. в контексте взаимовлияния телесности и социума. **В результате** определено, что представленный в мемуарно-биографических произведениях образ революционера способствовал формированию новой общественной морали.

EN

Health Condition Influence on Revolutionaries' Activity (by the Example of Biographical Memoirs of the First Third of the XX Century)

Ishchenko O. V.

Abstract. The research objectives are as follows: relying on an analysis of biographical memoirs of the first third of the XX century, the author tries to identify health condition influence on revolutionaries' activity. The article reveals specificity of biographical memoirs, describes the personages' corporeal characteristics, shows how the characters' physical and psychic health influenced their behaviour and beliefs. Scientific originality of the study involves a comprehensive analysis of ego-documents of the 1920-1930s taking into account mutual influence of corporal and social factors. The research findings are as follows: the author shows that specificity of a revolutionary's image representation promoted formation of new social values.

Введение

Антропологизация современной исторической науки определила появление новых направлений исследования или, по крайней мере, новых подходов в исследовании прежних объектов. Зона научных интересов историков в значительной степени оказалась смещена от изучения событий к изучению состояний [16, с. 6]. В рамках традиционного подхода здоровье рассматривалось чаще всего на популяционном уровне с позиций негативного влияния на него социальных условий, что определяло тезис о необходимости борьбы с существующим строем. Поворот исторической науки к изучению состояния личности актуализировал проблематику телесности, обращая внимание на взаимовлияние индивидуального здоровья и социума. Все это определяет **актуальность** темы изучения влияния состояния здоровья личности на участие в революционной деятельности. Поставленная цель исследования обусловила необходимость решения следующих **задач**: во-первых, определить специфику мемуарно-биографических произведений как эго-документов; во-вторых, изучить отраженные в них телесные характеристики объектов жизнеописания; в-третьих, определить тенденции показа влияния состояния физического и психического здоровья на жизнь и судьбу революционера; в-четвертых, выявить значимость представленного в мемуарно-биографических произведениях образа революционера для формирования новой общественной морали.

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, представленный синтезом взглядов на понимание телесности в гуманитарных науках. Применение принципа историзма позволило выявить причинно-следственные связи между содержанием мемуарно-биографических произведений и временем их

написания. При изучении мемуаров и биографий героев революции использовался *метод* традиционного и формализованного анализа документов.

Теоретической базой исследования являются работы современных ученых Н. В. Суржиковой [16], А. И. Жиленкова [5], рассматривающих специфические особенности эго-документов. Для характеристики проблематики телесности, психического и физического здоровья личности, ее эмоционального состояния были использованы труды Г. А. Кундеевой [10], С. С. Перова [12], И. Ю. Тихоновой [17], Т. Э. Цветус-Сальховой [18], А. Ю. Чукурова [20].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в процессе дальнейшей разработки проблемы состояния телесности личности в контексте эпохи, при написании монографий, статей по исторической антропологии, а также при проведении междисциплинарных исследований.

Специфика мемуарно-биографических произведений как эго-документов

Поворот исторической науки к изучению состояния личности актуализировал проблематику телесности, обращая внимание на взаимовлияние индивидуального здоровья и социума. В таких условиях источники, дающие возможности характеристики этих состояний, приобретают для исследователя особую ценность. В этом отношении мемуары представляют собой важнейший вид эго-документов, который сочетает в себе субъективность авторского текста и объективные условия его написания. Попытка внутривидовой классификации мемуаров привела к выделению в их составе мемуаров-автобиографий и мемуаров – «современных историй», отличающихся целевой и объектной направленностью текста [4, с. 466-467]. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой подвидом мемуаров можно считать мемуарно-биографические произведения, представленные биографическими и автобиографическими текстами, биографическими портретами, беллетризованными биографиями и др. [5, с. 5].

Своеобразие мемуарно-биографий заключается в том, что автор, зная человека, чье жизнеописание он создавал, не был свидетелем всех событий его жизни, поэтому впечатления мемуариста дополнялись данными из других источников. И все же такие биографии носили более личностный характер, что было обусловлено близким знакомством автора с героем, знанием особенностей его становления, характера, привычек. Объект жизнеописания выступал в данном случае как реальный человек, а не как абстрактный образ. Одновременно на содержание произведения влияла личность автора, который в большей или меньшей степени выстраивал описание в дихотомии Я – Мы, включая и себя, свои характеристики, свое мировосприятие в ткань повествования. Таким образом, с точки зрения анализа мемуарно-биографических произведений как эго-документов их специфика заключается в объединении нескольких позиций: «Я» (автор повествования), «Он» (герой повествования), «Он – Я – Мы» (автор и герой жизнеописания), «Он – социум» (значимость героя в социальном пространстве).

Отражение в мемуарно-биографических произведениях телесных характеристик объектов жизнеописания

Основной массив мемуаров, повествующих о биографиях героев революции и Гражданской войны, был собран в 1920-30-е гг. благодаря деятельности комиссии Испарта. Герои революции и Гражданской войны, сражавшиеся за советскую власть и погибшие в этой борьбе, предстают на страницах биографий зачастую не реальными людьми, а некими идеальными образами революционеров [8, с. 92]. Однако сами современники считали, что воспоминания-биографии хорошо передавали «дух того времени, облик того поколения, сложность и драматичность ситуаций, черты людей и образа их жизни, детали быта» [7, д. 708, л. 260-261], поскольку именно в них оказались затронуты те аспекты бытия революционера, которые либо совсем не отражались в других источниках, либо не играли в них важной роли. Одним из таких аспектов была телесная составляющая жизни героя.

В современной антропологии проблема телесности тесно связана с изменением образа Я индивида и способов его идентификации [17, с. 137]. Историки, философы, антропологи обращают внимание на взаимодействие тела и социума, механизмы социального воздействия на тело, зависимость физического тела от социокультурного окружения. В рамках данного подхода телесные практики понимаются как социальные и формирующиеся в связи с определенными условиями существования индивида, то есть «человеку не просто дается данное тело, ему дается тело в данном мире» [20, с. 145], несущее на себе отпечаток как социальных, так и культурно-исторических ценностей [18, с. 73].

Проблематика телесности, включая в себя разные составляющие этого понятия, на одно из главных мест ставит состояние здоровья, в значительной степени определяющее деятельность человека, самоощущение, восприятие мира и себя в этом мире. Именно здоровье, понимаемое как правильная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие, дает возможность человеку нормально существовать в социуме. При этом здоровье человека зависит от целого ряда факторов: социально-экономических, социально-биологических, экологических и природно-климатических, медицинских [10, с. 850-851].

В исторической литературе советского периода господствовал традиционный подход, согласно которому преимущественная бедность населения в дореволюционной России определяла плохое питание индивида, тяжёлые материально-бытовые условия, способствовавшие ухудшению состояния здоровья, что не соответствовало понятию социальной справедливости и требовало изменения существующего строя. Но с позиций микроистории, истории личности проблематика телесности может рассматриваться несколько иначе – как индивидуальное состояние здоровья влияло на жизнь и судьбу человека, пришедшего в революцию, и как факторы, определявшие это состояние, оценивались в субъективном и объективном плане. В этом отношении мемуары выступают незаменимым источником информации, поскольку тщательно отредактированные официальные биографии в малой степени коррелировали состояние здоровья и ведение революционной деятельности.

Анализ сохранившегося массива воспоминаний показывает, что в них чаще всего описывалось влияние на здоровье субъекта повествования социально-экономических, социально-гигиенических и природных факторов (плохие жилищно-бытовые условия, низкий уровень материального обеспечения, тяжкие условия труда, проживание в местностях с плохим климатом (например, в ссылке), ограниченная возможность получения медицинской помощи). Понимание несправедливости сложившегося положения определяло желание героя мемуаров сражаться за счастье и благополучие народа, пусть даже и ценой собственного здоровья.

Основные тенденции показа влияния состояния физического и психического здоровья на жизнь и судьбу революционера в мемуарно-биографических произведениях

Достаточно традиционным сюжетом в мемуарах-биографиях является ухудшение здоровья героя после избиений и тюрем, что вызывало ненависть к угнетателям и влияло на приход в ряды борцов с существующим режимом. Так, в сохранившихся в Омском архиве воспоминаниях И. С. Кирьяновой содержится рассказ о том, что за пение революционной песни ее подростком высекали нагайкой. «Целый месяц провалялась я в постели. Следы нагайки остались не только на теле, но и в душе. С тех пор я дала клятву, как только смогу бороться против угнетателей», – однозначно утверждала мемуарист [6, д. 187, л. 166].

Нашло свое отражение в эго-документах и влияние на здоровье природно-климатических факторов. Например, чудовищно распространенная в начале XX в. заболеваемость туберкулезом достаточно часто в воспоминаниях связана с сырým климатом Санкт-Петербурга. Впрочем, и сибирский климат нередко оказывался губительным для здоровья революционера, причем это относилось не только к местам ссылки. Так, в воспоминаниях о жизни участника революционного движения Тарасия Закарая указывалось, что, приехав из Грузии в 1909 г. для обучения в Томском технологическом институте, он сразу же заболел туберкулезом. Авторы текстов о Закарае, констатируя факт болезни, тем не менее ничего не пишут о ее влиянии на революционную деятельность. Напротив, Т. Закарая предстает в документах как один из видных томских социал-демократов и активный деятель студенческого движения [19, д. 709, л. 1-47, 106].

Однако письма и сочинения самого Т. Закарая свидетельствуют о том, что понимание им неизлечимости болезни трансформировалось в метафорические образы, которые, вероятно, должны были служить образцом его товарищам по борьбе. Незадолго до смерти он сочинил сказку о юноше с чутким сердцем, переживающим за людей: «Возмужав, он ушел из родительского дома... Он ушел в мир страданий и борьбы и сроднился с этим миром героев. И сплошным мученичеством была бурно-беспокойная жизнь его. <...> Однако, предание говорит, что, когда он, больной, умирал, бледное лицо его озарилось улыбкой... И в последние мгновения жизни своей воскликнул он: «Истина победит. Погибнет зло. Воцарится любовь»» [Там же, д. 708, л. 6]. Больной юноша в сказке, как и сам Закарая, умирает с верой в светлое будущее. В этом отношении сочинение приобретает черты исповедального текста, поскольку жизненный опыт и установки автора всегда находят свое отражение в образах созданных ими героев. Одновременно оно транслирует образец революционера, который до последней минуты жизни боролся за свои идеалы.

В сочинениях Т. Закарая не случайно звучат мотивы мученичества. Страдание (личное, коллективное, групповое) является важным фактором эмоциональной жизни общества в период ломки общественных устоев [12, с. 92]. Создание в биографиях образа героя-мученика, пожертвовавшего всем ради будущего, зачастую включало в себя сознательное несоблюдение правил здорового образа жизни для победы революции, описание потери здоровья в борьбе за светлые идеалы человечества, пренебрежение телесностью во имя духовности. Так в революционной субкультуре формировался эмоционально насыщенный образ революционера, готового все, в том числе и здоровье, положить на алтарь революции.

Именно таким в жизнеописании предстает известный советский и партийный деятель – первый нарком юстиции Украинской ССР, член ЦИК УССР и ЦК КП(б)У А. И. Хмельницкий, который, несмотря на изначально слабое здоровье, уже с юности начал освоение социал-демократической теории: «Благодаря огромным дарованиям и необычайной, поражающей впоследствии всех трудоспособности (при слабом здоровье и хилой комплекции), А. И. уже в то время представлял, в смысле эрудиции и марксистской подготовки, такую величину, с которой считались в местных партийных кругах» [11, с. 624]. Произшедшие затем печальные события (смерть матери, арест и ссылка отца), по мнению мемуариста, «выбили А. И. из колеи... и заставили его пережить немало невзгод, сказавшихся на здоровье и на душевном складе его» [Там же, с. 625]. После Февральской революции Хмельницкий, по описанию знавших его людей, отдает всего себя «заветному делу»: «Этот слабый, немощный на вид человек не знал отдыха в работе и систематически изводил себя, не пропуская ни одного партийного заседания, ни одного выступления на митинге или собрании и т.д.» [Там же, с. 626].

По сути, воспоминания содержат описание нескольких факторов, влиявших на здоровье революционера: врожденные (слабость здоровья с детства), негативное влияние семейных проблем и запущенный процесс саморазрушения, когда для победы революции герой сознательно отдает ей всего себя без остатка, выступая при этом, по мнению мемуаристов, «образцом храбрости и отваги» [Там же, с. 628]. Однако, несмотря на восхищение образом революционера, в воспоминаниях прослеживается и описание странностей в его поведении, поражавших даже товарищей по партии. А. Томинский, автор одной из мемуарных биографий Хмельницкого, писал о том, что, занимая высокие партийные и советские посты, он ходил почти всегда в рваных сапогах, «где через рваные носки белела часть тела» [Там же, с. 627]. Лично знавший Хмельницкого И. Кристаловский отмечал в воспоминаниях, что «вечно погруженный в созерцания и занятия мозговой работой, т. Хмельницкий до чудовищности не следил за своей внешностью и своим физическим бытием». В холодную ненастную осеннюю московскую погоду он ходил одетым «в простую ситцевую рубашонку», кроме того, «ужасно голодал... и это было убийственно для его организма и для нас, окружавших его» [Там же, с. 628]. «Мы инстинктивно боялись, что такое безразличное отношение т. Хмельницкого к своему собственному физическому существованию погубит его, и революция потеряет в лице его ценного талантливый работник», – писали товарищи по борьбе [Там же]. И эти опасения сбылись – в декабре 1919 г., заболев воспалением легких, но не отказавшись от напряженной работы, Хмельницкий скончался в возрасте 30 лет.

В мемуарных биографиях отчетливо прослеживается дилемма: что лучше – не щадить себя и умереть во имя революции или поддерживать телесность для того, чтобы служить революции? Авторы воспоминаний не давали ответа на этот вопрос, но даже они относились к подобному пренебрежению своим здоровьем как к девиации, поскольку стремление к сохранению своей телесной сущности инстинктивно присуще каждому человеку. Современная психология утверждает, что в течение жизни человек, развиваясь, осваивает свое тело, окультурирует его, поэтому большее развитие телесности соответствует большей зрелости личности. Сознательное же причинение вреда собственному телу может свидетельствовать, по мнению специалистов, о наличии психического заболевания [13, с. 149–150]. В таком случае отказ героев мемуарной литературы от поддержания своего физического здоровья вызывает обоснованные сомнения в здоровье психическом. Однако в период революций и войн, когда традиционные регуляторы общественного поведения перестают существовать, а в обществе меняется шкала ценностей и приоритетов, вопрос о норме в отношении психического здоровья остается открытым [1, с. 115]. Мемуары же свидетельствуют о том, что психическое нездоровье или, по меньшей мере, пограничное состояние психики было характерно для многих революционных деятелей. Бесспорно, не будучи специалистами, мемуаристы не могли поставить профессиональный диагноз, но поведение ряда персонажей выходило за рамки нормы даже с точки зрения обыденного ее понимания.

Так, в воспоминаниях участника движения сибирской учащейся молодежи В. Айзина содержится эпизод о его пребывании осенью 1906 г. в омской тюрьме вместе с известным революционером В. Л. Шанцером (Маратом), которого автор описывает как блестяще талантливого, но чрезвычайно нервного и раздражительного человека [6, д. 58, л. 100]. Айзин не пишет о наличии у Шанцера нервного заболевания, но оно подтверждается другими источниками, например, изданной в 1928 г. официальной биографией революционера, в которой прямо указывалось: «Здоровье т. Шанцера, подорванное тюрьмой и ссылкой, сильно пошатнулось, и к концу 1910 г. он был уже безнадежно болен нервным расстройством» [9, с. 76].

Вопрос о состоянии психического здоровья возникает и после знакомства с мемуарами-биографиями известных сибирских революционеров Залмана Лобкова и Вениамина Тверитина. В ранней юности эти два молодых человека, два друга, прониклись учением Л. Н. Толстого настолько, что в годы Первой мировой войны вместе с членами группы сибирских толстовцев участвовали в распространении антивоенного воззвания, за что были арестованы. Их освобождение из тюрьмы было связано с постановкой диагноза о наличии у обоих психического заболевания. Довольно своеобразно этот вопрос оказался отражен в мемуарах. Так, воспоминания неустановленного автора по поводу ареста В. Тверитина содержат следующий эпизод: «Ему предстоял суд, и вдруг по весне сообщают – Тверитин сошел с ума, помещен в тюремную больницу. Сразу не поняв в чем дело, все были очень удручены, но позднее узнали, что Тверитин просто симулировал» [6, д. 182, л. 9]. Трудно предположить, что юноша, никогда не изучавший психиатрию, так совершенно симулировал сумасшествие, что смог обмануть специальную комиссию. Но мемуары других авторов добавляют некоторые детали к описываемой ситуации. Например, в воспоминаниях З. И. Могилевской отмечено, что З. Лобкову передавались указания, как симулировать психическое заболевание, возбуждающие медицинские препараты и деньги для подкупа. В результате он был выпущен на поруки отца [7, д. 443, л. 37]. В результате такой довольно неприятный для образа революционера эпизод, как наличие психического расстройства, в воспоминаниях оказывается рассмотрен как симуляция, на которую молодые люди пошли сознательно для того, чтобы выйти на свободу.

Разочаровавшись в толстовстве и столь же истово поверив в марксистские идеи, Лобков и Тверитин, согласно воспоминаниям, стали убежденнейшими социал-демократами, принявшими активное участие в революционных событиях 1917 г. и в военных действиях периода Гражданской войны. Гражданская жена В. Тверитина Е. Мельтцер, описывая его деятельность незадолго до гибели, отмечала: «Те короткие моменты отдыха, которые выпадали среди такого напряжения, тов. Тверитин был совершенно болен – потемневшее, искаженное страдальческое лицо, бред без сна и полное изнеможение» [6, д. 178, л. 10]. По сути, в мемуарах, написанных самым близким Тверитину человеком – его женой, очевидна постепенная потеря героем и физического, и психического здоровья, отданного в борьбе за революцию.

И все же подобные мемуары представляли собой идеальный вариант жизни революционера, погибшего в высшей точке борьбы с верой в светлое будущее. Однако действительность нередко оказывалась другой. Подорванное здоровье выбивало человека из революционной борьбы, как это произошло с видным сибирским социал-демократом Порфирием Евгеньевичем Семьяновым.

Согласно сохранившимся воспоминаниям, П. Е. Семьянов был одним из главных организаторов социал-демократического движения на Алтае: «Безостановочно вплоть до 1905 г. все время плодил рабочие, ученические, учительские, землемерные и другие революционные кружки. Он был неутомим. Он работал и в воскресных школах, и в народном доме, и в землеустройстве, и среди крестьян, и среди мелких ремесленников. Он проникал всюду, куда только мог. Энергия его была чудовищна» [2, д. 40, л. 1]. Далее, как указано в литературе, в силу обострившихся хронических заболеваний П. Е. Семьянов прекратил общественную и партийную деятельность. На самом деле процесс потери Семьяновым здоровья был сложнее и драматичнее. Трагическим для революционера стал октябрьский погром 1905 г. в Барнауле. Сведения о нем сохранились во многих воспоминаниях, но, пожалуй, подробнее всего этот эпизод описан в мемуарах Г. И. Никитина, к которому Семьянов пришел, а точнее – приполз с места погрома «после того, как получил увечья спины от черносотенников, т.к. не мог ходить от болей в пояснице и крестце». Во время нападения П. Е. Семьянов был сбит с ног сильным ударом в грудь, при падении ударился спиной, после чего несколько часов морозной ночью пролежал на улице без сознания [Там же, д. 84, л. 4]. Изменения, которые произошли с Семьяновым после этих трагических событий, в воспоминаниях Г. И. Никитина отражены следующим образом: «После увечья в 1905 г. от рук черносотенников Семьянов сразу заметно стал хиреть. Вместо пылкого и строгого, но в то же время выдержанного, он стал до крайности раздражителен. <...> Прежняя деятельность стала становиться ему не по плечу, и он постепенно стал делить свою работу между своими товарищами... Вот что значит небольшая ушиб позвоночника, который молодость быстро превращает в старость, неутомимость – в усталость, и жажду борьбы в жажду покоя» [Там же, д. 40, л. 4].

Воспоминания о П. Е. Семьянове несколько выбиваются из общего строя мемуаров, повествовавших о том, как герои революции отдавали здоровье в битве за общее дело и гибли в этой борьбе. Действительно, Семьянов, который постепенно превращался в глубокого инвалида, отошел от активной революционной деятельности, но нашел свое призвание в краеведческой работе. Однако 7 февраля 1938 г. смертельно больной, уже несколько лет не встававший с постели старик был арестован якобы за антисоветскую деятельность и через несколько дней скончался в тюремной больнице [3, с. 24-25].

Очевидно, что в отличие от героев других воспоминаний П. Е. Семьянов не погиб в ходе революции, следовательно, с точки зрения биографов-мемуаристов, жизненный путь его не был завершён в высшей точке социальной деятельности. И если тяжелая болезнь позволяла мемуаристам рассматривать героя повествования как мученика революции, то арест и предъявленное обвинение совершали обратный процесс превращения бывшего революционера в контрреволюционера. Поэтому воспоминания о П. Е. Семьянове не были опубликованы, сохранившись только в фондах сибирских архивов.

Значимость представленного в мемуарно-биографических произведениях образа революционера для формирования новой общественной морали

Публикация мемуарно-биографических сочинений 1920-1930-х гг. имела огромное значение с точки зрения влияния данных произведений на послереволюционное общество. Известный социолог П. Сорокин утверждал, что войны и революции, изменяя поведение масс, «переодевают человека в новый костюм поступков», разрушая общественную мораль, возбуждая самые низкие человеческие инстинкты и давая преимущество лицам «морально дефективным». Подвижничество, героизм, жертвенность являются в этих условиях «достоинством единиц, а не масс» [14, с. 406-407; 15]. Мемуарно-биографические произведения, напротив, повествовали именно о примерах жертвенности, героизма и подвижничества, давая тем самым пример единиц – массам.

Мемуаристы обращались к изменению состояния физического и психического здоровья описываемой личности для показа его влияния на жизнь и судьбу революционера. В условиях возвышения духовности фактор телесности отходил на задний план, но был необходим для обоснования определенной модели поведения. Герои воспоминаний во имя революции сознательно нарушали правила здорового образа жизни, пренебрегали материальными благами, теряли здоровье в борьбе за светлые идеалы человечества. Все это способствовало формированию новой, связанной с коллективистскими ценностями, общественной морали, в рамках которой героем и образцом для подражания становился тот, кто всего себя отдавал служению общественному идеалу.

В этом отношении мемуары-биографии, созданные в определенное время и в конкретную историческую эпоху, встраивались в темпоральную ось, последовательно формируя образ героя прошлого, описанный в условиях настоящего и транслирующийся в будущее, причем здоровье в этом контексте было платой за светлое будущее или, скорее, жертвенным взносом в него.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим **выводам**.

Взятые за основу исследования мемуарно-биографические произведения, написанные в первой трети XX века, представляют собой важнейший вид эго-документов, который сочетает в себе субъективность авторского

текста и объективные условия его написания. Они тесно объединяли автора повествования с описываемым героем, поэтому объект жизнеописания выступал в них как реальный человек, в совокупности тех характеристик, которые не могли найти своего отражения в других источниках.

Мемуаристы обращались к изменению состояния физического и психического здоровья личности для показа его влияния на жизнь и судьбу революционера. Описание негативного влияния на здоровье субъекта повествования социально-экономических, социально-гигиенических и прочих факторов определяло понимание несправедливости сложившегося положения и вызывало желание вступить в ряды борцов с существующим строем в дореволюционный период, чтобы затем отдать все силы и здоровье для победы революции.

В мемуарно-биографических произведениях прослеживается отчетливая связь между ухудшением состояния здоровья и ведением революционной деятельности. В них формировался образ героя-мученика, пожертвовавшего всем ради будущего. Такой герой сознательно шел на потерю здоровья в борьбе за светлые идеалы человечества, пренебрегая телесностью во имя духовности.

Трансляция сложившегося эмоционально окрашенного образа широкой аудитории способствовала складыванию новой коллективистской морали, базовыми установками которой было подчинение интересов личности интересам общества.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в дальнейшем изучении массива мемуарно-биографических произведений с целью выявления в них характерных и нехарактерных сюжетов, связанных с влиянием состояния здоровья на деятельность героев революционной эпохи. Важным представляется и повышение междисциплинарности исследования, дальнейшее рассмотрение проблемы с точки зрения социологии, психологии, исторической и философской антропологии.

Список источников

1. Волошина В. Ю. П. А. Сорокин о социально-психологических последствиях революции // Вестник Омского государственного университета. 2007. № 4. С. 113-121.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1061. Оп. 1.
3. Гришаев В. 120 лет со дня рождения краеведа П. Е. Семьянова (1878-1938) // Страницы истории Алтая. 1998 г.: календарь памятных дат. Барнаул: Полиграфист, 1997. С. 24-25.
4. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории: учебное пособие. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 702 с.
5. Жиленков А. И. Мемуарно-биографические жанры в русской духовной литературе XVIII-XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 14 (235). С. 5-11.
6. Исторический архив Омской области (ИсА ОО). Ф. П-19. Оп. 1.
7. ИсА ОО. Ф. П-411. Оп. 3.
8. Ищенко О. В. Герои и мифы российской революции: формирование образа революционера в биографической и мемуарной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 91-96.
9. Кордес В. В. Л. Шанцер-Марат. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 81 с.
10. Кундеева Г. А. Факторы, влияющие на состояние здоровья // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2015. № 2. С. 850-851.
11. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917-1921 гг. / сост. Л. Лежава, Г. Русаков. Изд-е 3-е, испр. и доп. М. - Л.: Государственное издательство, 1925. 762 с.
12. Перов С. С. Эмоциональные режимы в провинциальных городах Юга России в межвоенный период (по материалам коллаборационистской прессы) // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1 (56). С. 92-96.
13. Правдина Л. Р., Васильева О. С., Власова А. Ю. Телесность в контексте психологии здоровья: опыт пилотажного исследования // Российский психологический журнал. 2015. № 4. С. 148-160.
14. Сорокин П. А. Нравственное и умственное состояние современной России // Литература русского зарубежья: антология: в 6-ти т. М.: Книга, 1990. Т. 1. Кн. 1. С. 406-416.
15. Сорокин П. А. Современное состояние России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia> (дата обращения: 25.09.2020).
16. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (вместо предисловия) // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 6-13.
17. Тихонова И. Ю. О телесности в современной антропологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». 2016. № 2. С. 137-142.
18. Цветус-Сальхова Т. Э. «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 70-73.
19. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 4204. Оп. 4.
20. Чукуров А. Ю. Конструирование телесности как механизм самоконтроля // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 3 (36). С. 145-149.

Информация об авторах | Author information

Ищенко Оксана Владимировна¹, д. ист. н., доц.

¹ Сургутский государственный университет

Ishchenko Oksana Vladimirovna¹, Dr

¹ Surgut State University

¹ iovf@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.11.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): мемуарно-биографические произведения; телесность; здоровье; образ революционера; biographical memoirs; corporality; health; revolutionary's image.